

МОТИВ ЖЕНСКОЙ ВЛАСТИ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Т.А.Савоськина

Измаильский государственный гуманитарный университет, Украина, nauka2008@rambler.ru

Рассматривается мотив женской власти в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин» в контексте гинекратического мифа эпохи русского Просвещения и комедии А.С.Грибоедова «Горе от ума». С этой точки зрения анализируются семейный уклад супругов Лариных и женская природа московского общества.

Ключевые слова: *гинекратический миф, культурный код, маскулинность, феминность, авторская ирония*

The motive of a female power in the context of the gynaeocratic myth at the age of Russian Enlightenment in A. Pushkin's novel «Eugene Onegin» and A. Griboyedov's comedy in verse «The Woes of Wit» is considered. The patterns of family life of the Larins and the female nature of Moscow society are analyzed from this point of view.

Keywords: *gynaeocratic myth, cultural pattern, masculinity, femininity, the author's irony*

Тема женской власти в русской литературе XIX в. имеет давнюю традицию. Она апеллирует как к фольклорным и древнерусским текстам, сохранившим «культурную память» о могуществе женского рода, так и к гинекратическому мифу эпохи русского Просвещения. Репрезантами родовых отношений матриархата априори выступают сказочные образы Елены Прекрасной, Василисы Премудрой, Марьи-Моревны, превосходящих по своим сверхъестественным способностям и мудрости Ивана-царевича и Кощея Бессмертного, женщин-богатырей, удалых поляниц из русского былинного эпоса, не уступающих по силе характера и физической мощи Илье Муромцу или Добрыне Никитичу.

Влияние женщин на государственную жизнь страны нашло отражение и в древнерусских летописях, по упоминаниям которых основателями древнерусской столицы Киева были не только князь Кий и его братья, но и «сестра их Лыбедь», а история «собираения земли русской», приобщения руссов к христианству тесно связана с именем княгини Ольги, правившей Русью в 945-964 гг. Самостоятельность женщин наблюдалась не только в политической жизни, но и в семейных устоях. В XIII в. женщины из привилегированного сословия получили право обладать земельной собственностью, в результате чего в древнерусских семьях появились жены, которые буквально «володели» своими мужьями, превращая их в «несвободных, рабаликих и просторечих» [1].

Кардинально изменился статус гендерных ролей в период правления Петра I, реформы и законодательные новации которого позволили женщине взойти на царский престол. «В XVIII веке, — отмечает авторитетный российский историк Е.В.Анисимов, — мы сталкиваемся с поразительным парадоксом: в стране повсеместно господствуют нормы Домостроя XVI в., русское общество однозначно трактует женщину как существо второго сорта, а у верховной власти могущественной империи на протяжении почти 75 лет непрерывно находятся женщины, причем из самой низшей, наиболее бесправной касты: вдовицы (Екатерина I, Анна Иоанновна, Екатерина II) и девица (Елизавета Петровна)» [2].

Женская верховная власть, пришедшая на смену петровской империи, положила начало формированию гинекратического мифа в культуре «галантно-

го века» [3]. Эпоха женского правления активизировала тот ментальный «женский фермент», благодаря которому ситуация «русского матриархата» распространилась практически на все сферы русской жизни. Миф об исключительной власти и силе женщины нашел свое воплощение не только в многочисленных панегирических и сатирических произведениях XVIII столетия, но и в литературных памятниках первой трети XIX в. Москву как суровый синклит женщин, под диктатом которых находятся мужчины, блестяще изобразил А.С.Грибоедов в комедии «Горе от ума».

Мотив женской власти эхом отозвался и в романе А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Не являясь центральным, он, тем не менее, выступает функционально значимым для концептуального осмысления гинекратического мифа XVIII столетия в художественной ткани произведения, расширяющего представление о культурно-историческом контексте классического романа и открывающего новые возможности для интерпретации хрестоматийных образов.

Впервые мотив женской власти возникает во второй главе «Онегина» в зоне повествования о провинциальной жизни помещиков Лариных. В силу приверженности деревенских помещиков *привычкам милой старины (У них на масленице жирной // Водились русские блины; // Два раза в год они говели; Любили круглые качели, // Подблюдны песни, хоровод...)* [4, 44] их семейный уклад литературоведы обычно именуют патриархальным. Однако верность национальным традициям и обычаям — это лишь одно из частных проявлений патриархального сознания, основополагающей характеристикой которого является отцовство, его доминирование в семейной, хозяйственной жизни. С этой точки зрения семья Лариных не столько хранит незыблемость старозаветных устоев, сколько демонстрирует начавшееся в «минувшем веке» и продолжающееся в «веке нынешнем» нарушение патриархальных гендерных схем.

Автор «Онегина» сразу же задает нам культурно-исторический код прочтения образов Дмитрия и Прасковьи Лариных, молодость которых приходится на «золотой век» Екатерины II. Он — бригадир; соответственно армейскому чину, командовал бригадой из двух-трех полков во время русско-турецкой войны, за что и был награжден очаковской медалью; она —

княжна Pachette, тайно вздыхающая по московскому унтер-офицеру. В одной из рукописей стихотворного романа о котором сказано: *Сей Грандисон был славный фронт // Екатерининский сержант*. Казалось бы, достаточно информации для эпизодического персонажа. Однако Пушкин, добиваясь максимальной выразительности и точности слова, в окончательном варианте дополняет характеристику молодого человека (*Сей Грандисон был славный фронт // Игрок и гвардии сержант*), ставшую в дальнейшем афоризмом. В лаконичной, но емкой по смыслу форме автору удалось не только углубить психологический портрет блестящего кавалера, наметить черты, пленившие Ларину, но и одновременно создать проекцию на гедонистический образ жизни гвардейцев эпохи Екатерины Великой. Известно, что во времена правления государыни дозволялось записывать знатных дворян сержантом гвардии еще до их рождения или в младенческом возрасте. К началу своей реальной службы они зачастую достигали высоких чинов по выслуге лет, не принимая при этом участия в военных действиях. Щедрость и сибаритство, манкирование своими обязанностями было чрезвычайно распространенным явлением среди гвардейцев эпохи Екатерины II. «Каждый гвардейский полк, — с негодованием отмечал генерал А.Ф.Ланжерон, — имеет от трех до четырех тысяч сверхкомплектных сержантов, которые почти никогда не служат в своих частях», а живут у себя или в столице, предаваясь праздности и приятным удовольствиям [5].

Как видим, семантический акцент в пушкинских стихах о Грандисоне выявляет наиболее типичные черты жизни екатерининских гвардейцев: модничанье, безумная трата денег и азартная игра в карты. «Жить не просто в долг, но жить не по средствам — было нормой в гвардейской среде, — пишет Ю.А.Сорокин. — Более того, такой образ жизни стал модным и считался единственно приличным для дворянина» [6]. Неудивительно поэтому, что сентиментальную княжну привлекает в екатерининском гвардейце, прежде всего, умение быть на пике моды и выделяться среди окружающих. На это обращает внимание и словосочетание *славный фронт*, открывающее характерологический ряд в пушкинских стихах, адресованных Грандисону. Прилагательное «славный» в словаре Пушкина означает «известный»; значит, надо полагать, что именно публичная известность гвардейского шеголя особенно горячит сердце Pachette, старающейся предельно соответствовать изысканному вкусу своего возлюбленного: *Как он, она была одета // Всегда по моде и к лицу... // Корсет носила очень узкий, // И русский Н на N французский // Произносить умела в нос* [4, 43-44]. Однако родня сентиментальной барышни предпочла выдать ее замуж не за императорского гвардейца, проводящего свою «службу» в столице за развлечениями, а за жениха попроще да понадежнее — участника военных походов Дмитрия Ларина.

В 1798 г., через два года после смерти государыни, звание сержанта гвардии было отменено, следовательно, как справедливо отмечают С.А.Васильева и М.В.Строганов, свадьба Прасковьи и Дмитрия Лариных состоялась не позднее этого времени [7], когда гинекра-

тическое наследие уже вышло за пределы императорского двора и прочно укоренилось в семейной жизни русского дворянства. Влияние женщин на семейный быт с их нередким самоуправством и самодурством было делом привычным в период царствования «Торжествующей Минервы». Бытописатель Г.С.Винский в своих мемуарах приводит характерный пример из повседневной жизни провинциального дворянства XVIII: «Госпожа управляла домом самовластно, или лучше самовольно. Управление сие, во всех подробностях, есть дело довольно любопытное, ибо тут непрестанно незнание сражается с невежеством...» [8]. Этот культурно-исторический феномен в различных его проявлениях стал объектом сатирического изображения в журналах Н.И.Новикова и комедиях Д.И.Фонвизина. Показательно в этом смысле стихотворение, напечатанное в разделе «Быль» в одном из новиковских журналов, рассказывающем о некоей модной жене и муже-подкаблучнике, низведенном до уровня домашнего животного: *Любя супругу, муж избаловал потачкой, // Хотя и не был трус, Однако им жена играет как собачкой... // Страдает муж горячкой. // Жена о сем ничуть не дует в ус, // Имея с малых лет она в амурах вкус. // В болезни стонет муж, жена хохочет, // Вдовой быть хочет // И мужу говорит: когда, мой свет, умрешь?..* [9]. Пародийно-сатирическая гипербола женского самодержавия реализуется в образе Простаковой из комедии Фонвизина «Недоросль». В перечне действующих лиц комедиограф лишь к ее фамилии приписывает слово *госпожа*. Эта номинация изначально вводит читателя в атмосферу женской власти, раскрывающейся на протяжении всего драматургического произведения: помещица Простакова управляет хозяйством, колотит мужа, держит в страхе дворовых, воспитывает сына. Ее «бабье царство» беспрекословно признают все родственники, которые в одной из сцен комедии представляются Стародуму следующим образом: *Я сестрин брат, Я женин муж, А я матушкин сынок*. Семейный быт у драматурга комически отражает государственные отношения эпохи «русского матриархата» в сниженном, перевернутом виде: «глава» семьи, муж, становится подданным государыни, своей жены, которая самоутверждается за счет безропотности собственного супруга.

В рамках «властительного сюжета», демонстрирующего активность женской эмансипации в эпоху русского Просвещения, Пушкин моделировал и образ Прасковьи Лариной, которая по выходе замуж за не любимого помещика пыталась защитить свою свободу и независимость: *Рвалась и плакала сначала, // С супругом чуть не развелась...* [4, 43]. Но вскоре, пережив драму подневольного замужества, поменяла узкий корсет на бесформенный шлафор и чепец и с мужской решительностью возложила на себя обязанности главы семьи, став, как и фонвизинская Простакова, неограниченной хозяйкой в доме. Эта аллюзия имела место у Пушкина в первой редакции «Онегина»: *Она меж делом и досугом // Узнала тайну, как супругом, // Как Простакова управлять*. Несмотря на то, что в окончательном тексте романа параллель женских персонажей была нивелирована, тем не менее имплицитная связь между ними сохранилась. Провинциальные помещицы одинаково наделены такими свойствами, как власт-

ность и хозяйственность. Прасковья Ларина, не проявляя мягкости нрава, осуществляла все управленческие функции (*езжала по работам, брила лбы, служанок била осердясь*); распределяла семейный бюджет (*вела расходы*); занималась домашними делами (*солила на зиму грибы*), — и все это *мужа не спросясь*. В черновом варианте крепостническая практика помещицы была подчеркнута еще резче: *Секала ---, брила лбы; // Служанок секла, брила лбы* [10].

Отчасти продолжая гинекратические традиции Фонвизина, автор «Онегина» вносит и новые черты в изображение духовного облика старшей Лариной, выгодно отличающие ее от госпожи Простаковой. Пушкинская владычица дома изображена уже как женщина иного культурного склада. Она приобщена к французскому языку, была *без ума от Ричардсона*, писала *кровью в альбомы нежных дев*, являлась поклонницей *чувствительных стихиков*, наконец, сумела дать своим дочерям необходимое домашнее образование. Ю.М.Лотман писал: «...засвидетельствовав, что Татьяна в совершенстве знала французский язык, и, следовательно, заставив нас предполагать наличие в ее жизни гувернантки-француженки, автор предпочел прямо не упомянуть об этом ни разу» [11]. В отличие от *презлой фурии* Простаковой, помещица Ларина не допускает грубой брани по отношению к своему мужу, а тем более физической расправы. Она постигает иную тайну *как супругом // Самодержавно управлять...* Лексема *самодержавно* в пушкинском контексте реализует одну из важнейших составляющих гинекратического мифа эпохи русского Просвещения — андрогинность русской женщины, умеющей «подать и реализовать ставший мужественным характер в форме вечно-женственного» [12]. Прасковья Ларина обладает теми же маскулинными и феминными свойствами, что и русские императрицы XVIII столетия, только проявляет их в повседневной частной жизни. Возложив на себя мужские обязанности в семье, она сумела подчинить себе супруга и вместе с тем сохранить добродушную атмосферу в своем маленьком «государстве». Женская логика подсказала ей, что путь к единовластию, прежде всего, лежит через желудок мужа. И с этой стороны Дмитрий Ларин, отстраненный от помещичьих забот, был всегда удовлетворен и недовольства не высказывал: жену любил сердечно, *// В ее затей не входил, // Во всем ей веровал беспечно, // А сам в халате ел и пил; // Покойно жизнь его катилась...*[4, 44]. Стол, еда и халат, ставшие смыслом ежедневного бытия Дмитрия Ларина, выступают в «поле» деревенского сюжета идилическими компонентами сонного образа жизни персонажа, в котором угадывается будущая картина утопического благоденствия в гончаровской Обломовке.

Пушкин с легкой иронией повествует о женском режиме в доме, неизбежно ведущем к физическому ослаблению мужчины. Чревоугодник Ларин утрачивает в семейной жизни мужскую крепость и умирает, по сути дела, за невостребованностью — *в час перед обедом*, не успев поднести ложку ко рту. Завершив свой жизненный путь, он был оплакан *Детьми и верною женой // Чистосердечней, чем*

иной... [4, 45]. Однако эпитафия на могильном памятнике отзовется добродушной насмешкой: *Смирный грешник, Дмитрий Ларин, // Господний раб и бригадир // Под камнем сим вкушает мир* [4, 45]. Иронический смысл возникает здесь благодаря антонимическим связям между лексемой *бригадир* и метафорой *вкушает мир*, создающих эффект пушкинской игры полярностями жизнеотношений: некогда деятельный Ларин, командующий бригадами из нескольких полков, за послушание жене и ее заботу о нем заплатил «забвением всех старых склонностей и прежних мужественных вкусов и привычек» (Ю.Н.Тынянов). Метафора *вкушает мир* содержит в себе комическую оценку автором того мира, которым добрый барин наслаждался при жизни. Выступая векторным коррелятом к названию офицерского чина, она фокусирует внимание читателя на главном занятии, которому предавался в семейной жизни ленивый домосед — *ел и пил* ради физического удовольствия, усыпляя тем самым разумную часть духа. «Бывают на свете такие люди, — тонко заметил В.Г.Белинский, — в жизни и счастья которых смерть не произведет ровно никакой перемены» [13]. «Недаром и в фамилии Лариных, — замечает С.А.Фомичев, — таится «двусмысленный каламбур: здесь вспоминаются античные домашние боги Лары и одновременно — ларь, очевидно со специфическим значением этого слова, встречающегося в русских говорах — гроб» [14].

Несмотря на ироническую окрашенность повествования о бытовом укладе провинциальных помещиков, изображение семьи Лариных не лишено у Пушкина обаяния. Автора «Онегина» привлекает близость поместных обывателей к природному существованию, национальной культуре, умению жить *домашним кругом*. В художественном мире романа деревенский дом выступает не только средоточием основных жизненных ценностей, единства семьи и рода, но и воплощением Руси, в отличие от олицетворяющего западную культуру Петербурга.

Гинекратический мотив получает дополнительные коннотации в седьмой главе пушкинского романа, написанной под влиянием пьесы А.С.Грибоедова «Горе от ума». Знакомство Пушкина с комедией состоялось благодаря Ивану Пушину. 11 января 1825 г. ближайший друг ссыльного навестил его в Михайловском и прочел поэту вслух привезенную с собой рукопись новой, еще не опубликованной пьесы Грибоедова. Известно, что к этому времени первые три главы «Евгения Онегина» были закончены и автор трудился над четвертой. «Горе от ума» оказало немалое влияние на ход работы заключительных глав романа в стихах. Больше всего явных и скрытых переключек с этим произведением обнаруживается в седьмой главе пушкинского романа, посвященной изображению московского высшего света, явившегося предметом грибоедовской сатиры. Расширяя представления о принципах дворянского общежития и участия в нем женщин, Пушкин активно использует в стихотворном тексте цитаты, аллюзии, реминисценции и другие «заимствования» из комедии «Горе от ума». Показательным примером дискурсивной общности является XLV строфа: *Но в них не видно перемены; // Все в них на старый образец: // У тетушки княжны Елены // Все*

тот же тюлевый чепец, // Все белится Лукерья Львовна, // Все то же лжет Любовь Петровна, // Иван Петрович так же глуп, // Семен Петрович так же скуп, // У Пелагеи Николавны // Все тот же друг мосье Финмуш, // И тот же ищиц, и тот же муж; // А он, все клуба член исправный, // Все так же смирен, так же глух, // И так же ест и пьет за двух [4, 142].

Пушкин повторяет Грибоедова с иронической дистанции. Подчеркивая неизменность нравов и привычек светского общества словами «все», «тот же», «так же», автор «Онегина» изображает женский ареопаг московского бомонда в лице тетушки княжны Елены, в которой угадывается аллюзия на тетушку Минерву Софы, «почтенных» дам, впервые названных поэтом по имени-отчеству, — Лукерья Львовна, Любовь Петровна, Пелагея Николавна, отсылающих читателя к многочисленным сценическим и внесценическим женским персонажам «Горя от ума». Ближе всего к пушкинскому тексту стоят строки из монолога Фамусова (действие 11, явление 5): ...Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна! // Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна! [15].

Межтекстовое взаимодействие претекста и фенотекста образуют лексические и ритмометрические маркеры, в частности, общее имя Лукерья и рифмовка отчеств друг с другом, актуализирующих сатирический контекст «Горя от ума», направленного на разоблачение женской власти на фоне мужского упадка. В этом смысле грибоедовская комедия становится для автора «Онегина» не только важным интертекстуальным источником, но и благодатным материалом для создания металитературной пародии. Комической имитацией Натальи Дмитриевны Горич и княгини Тугоуховской, под каблуком которых находятся их мужья, выступает образ Пелагеи Николавны: у нее все тот же ищиц, и тот же муж, который все так же смирен, так же глух. Здесь не только пародируются сюжетные ситуации «Горя от ума», но и стиль. Если реплика Натальи Дмитриевны: *Мой муж — прелестный муж* лишь подразумевает соотнесенность с угоднической фразой Молчалина: *Ваш ищиц, прелестный ищиц*, то в онегинском тексте лексический маркер *ищиц* используется уже в прямой параллели с мужем, с акцентом на четвероногом любимце, который упоминается раньше, чем благоверный: своим домашним собачкам московские гранд-дамы порой уделяли куда больше внимания. Игра неравновеликими по своему содержанию ценностными категориями создает комический эффект и придает сатирическое звучание пушкинскому тексту, которое усиливает строка *все так же смирен, так же глух*, вызывающая в памяти глухого князя Тугоуховского, покорно выполняющего распоряжения жены. Однако мужская глухота в интертекстуальном пространстве пушкинской строфы с многократным повторением *все так же* воспринимается не столько как физический недостаток, а как укоренившаяся поведенческая глухота мужчин по отношению к изменению гендерных ролей.

Таким образом, мотив женской власти входит в пушкинский роман как культурный код, гинеκραтическая мифологема XVIII столетия, получающая дополнительные оттенки и функции благодаря знакомству поэта с комедией Грибоедова «Горе от ума».

Продолжая литературные традиции Новикова, Фонвизина, Грибоедова, Пушкин использует иронические и сатирические формы изображения матриархального менталитета, укоренившегося в русском обществе.

1. Пушкарева Н.Л. Женщины в исторических судьбах России X-XIX вв. // Женщина Плюс... Социально-исторический журнал. 2003. №2. Режим доступа: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/02_13.htm
2. Анисимов Е.В. Женщины у власти в XVIII веке как проблема // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание; Наука, 2005. С.329.
3. См. об этом подробнее: Приказчикова Е.Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII — нач. XIX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С.528.
4. Пушкин А.С. Собр. соч. в 6 т. М: Правда, 1969. Т.4. С.5-190. Далее ссылки на это издание даны в тексте в квадратных скобках с указанием страницы.
5. Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. Апрель. Режим доступа: http://a-ulnarod.ru/Langeron_Russkaya_armiya_v_god_smerti_Ekateriny.html
6. Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск: ОмГУ; Мысль, 1996. С.52.
7. Васильева С.А., Строганов М.В. Гвардии сержант // Онегинская энциклопедия в 2-х т. М: Русский путь. Т.1. С.226.
8. Винский Г. Мое время // Русский архив. 1877. №2. С.181.
9. Новиков Н.И. Трутень. Живописец // Сатирические журналы Н.И.Новикова. М.-Л.: Академия наук СССР, 1951. С.154.
10. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1980. С.203.
11. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин»... С.54.
12. Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. Т.6. Кн.3. М., 1996. С.192.
13. Белинский В.Г. Собр. соч. в 3-х т. М.: ОГИЗ, 1948. Т.3. С.544.
14. Фомичев С.А. «Евгений Онегин»: Движение замысла. М.: Русский путь, 2005. С.53.
15. Грибоедов А.С. Сочинения. М.: Худож. лит., 1988. С.64.

Bibliography (Transliterated)

1. Pushkareva N.L. Zhenshhiny v istoricheskix sud'bah Rossii X-XIX vv. // Zhenshhina Plyus... Social'no-istoricheskij zhurnal. 2003. №2. Rezhim dostupa: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/02_13.htm
2. Anisimov E.V. Zhenshhiny u vlasti v XVIII veke kak problema // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. M.: Sbranie; Nauka, 2005. С.329.
3. Sm. ob e'tom podrobnee: Prikazchikova E.E. Kul'turnye mify v russkoj literature vtoroj poloviny XVIII — nach. XIX v. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. С.528.
4. Pushkin A.S. Sobr. soch. v 6 t. M: Pravda, 1969. T.4. С.5-190. Dalee ssylki na e'to izdanie dany v tekste v kvadratnyx skobkax s ukazaniem stranicy.
5. Lanzheron A.F. Russkaya armiya v god smerti Ekateriny II // Russkaya starina. 1895. Aprel'. Rezhim dostupa: http://a-ulnarod.ru/Langeron_Russkaya_armiya_v_god_smerti_Ekateriny.html
6. Sorokin Yu.A. Pavel I. Lichnost' i sud'ba. Omsk: OmGU; Mysl', 1996. S.52.
7. Vasil'eva S.A., Stroganov M.V. Gvardii serzhant // Oneginskaya e'nciklopediya v 2-x t. M: Russkij put'. T.1. S.226.
8. Vinskij G. Moe vremya // Russkij arxiv. 1877. №2. S.181.
9. Novikov N.I. Truten'. Zhivopisec // Saticricheskie zhurnaly N.I.Novikova. M.-L.: Akademiya nauk SSSR, 1951. S.154.
10. Lotman Yu.M. Roman A.S.Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij. L.: Prosveshhenie, 1980. S.203.
11. Lotman Yu.M. Roman A.S.Pushkina «Evgenij Onegin»... С.54.
12. Il'in I.A. Sobr. soch. v 10 t. Т.6. Кн.3. М., 1996. S.192.
13. Belinskij V.G. Sobr. soch. v 3-x t. M.: OGIZ, 1948. T.3. S.544.
14. Fomichev S.A. «Evgenij Onegin»: Dvizhenie zamysla. M.: Russkij put', 2005. S.53.
15. Griboedov A.S. Sochineniya. M.: Xudozh. lit., 1988. S.64.